

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164

Завистливая ложь

Когда писатель приспособленческого типа, книги которого выходили без цензурных задержек, потому что не затрагивали истинной правды действительности, не замечались критикой, не побуждали читателя писать автору письма, когда писатель раздирал завистливой ложью, он пускается во все тяжкие.

Почему он прибегнул к гнусному выражению: «Бог шельму метит»? Перед этим он написал, будто бы выступил в защиту писателя, редактора Обнинской газеты Михаила Лохвицкого, исключенного из партии. Он, якобы «как лицо приближенное», немедленно позвонил Николаю Павловичу (мне – Н.В.), передал просьбу Лохвицкого и от себя потребовал выдать ему такую характеристику от бюро писательской организации.

Подобного звонка от Ткаченко не было и не могло быть: он подло, в ночь прогнал из застолья в своей квартире мою жену Татьяну Петровну, не извинился. Да кто бы с ним после этого стал разговаривать?! Тем более что с Михаилом Юрьевичем, его женой Натальей, их детьми Нютой и Юрием у меня и моей семьи были добрые отношения. Мне позвонил сам Лохвицкий. Рядом с ним был Роман Левита, кандидат экономических наук, в прошлом едва ли не директор Калужского издательства, имевший прямое отношение к «Тарусским страницам», и попросил меня походатайствовать за себя и Левиту перед секретарем по агитации и пропаганде Аксеновым Алексеем Васильевичем. Я должен был договориться с Аксеновым о нашем, вдвоем, визите к нему. Я, уже разгромленный за «Юность в Железнодорожке» в «Литературке» и «Правде», сказал Михаилу и Роману, что мой совместный с ними визит к Аксенову может им лишь повредить, с чем Лохвицкий не согласился, поддержанный Левитой, которого я уважал и ценил.

Я договорился с Аксеновым о приеме, и мы вдвоем побывали у него безрезультатно: Алексей Васильевич не скрыл от нас, что обком затвердит решение Обнинского горкома партии. Речь на этой встрече шла не о том, что буровит о Лохвицком Ткаченко: «Его обвинили в публикации «сомнительных» статей, якобы критикующих устои...» На самом деле Лохвицкого и Левиту исключили за участие в похоронах кандидата физико-математических наук, парторга ФЭИ (Физико-энергетического института) Валерия Павлинчука.

Трагедия Павлинчука

Валерию Павлинчуку инкриминировали привоз в Обнинск диссидентской литературы, и он был исключен из КПСС и лишен работы. Это вызвало у него катастрофическое сердечно-нервное заболевание, и он умер. У Валерия Павлинчука, отца семейства, остались жена и маленький ребенок. Валерий был умницей, душевно-привлекательным, необычайной образованности человеком, да к тому же ученым с многообещающим будущим. Друзья Валерия Павлинчука, знакомые, сослуживцы глубоко переживали его трагедию, не могли не оказать помощи юной вдове и были наказаны за участие в похоронах. О том, что стряслось в Обнинске, я узнал, и то бегло, от Лохвицкого с Левитой. Других обвинений против себя они не называли, я им верил и верю, но вместе с ними, донельзя огорченный обнинской историей, которая не укладывалась в рамки традиционного гуманизма, не сумел доказать Аксенову, что обряд погребения священен для людей, даже врагов. Ведь не случайно во время Великой Отечественной войны с немецкими фашистами у нас возникали зоны размежевания для погребения погибших.

Аксенову, фронтовику, было ведомо это, и он, чувствовалось, сострадал исключенным, но что он мог поделать, придерживаясь ожесточившейся политике свыше? Примерно в тот период я услышал от академика Рэма Викторовича Петрова, входившего в комиссию ВАКа, устное указание серого кардинала М.А.Суслова, что при утверждении докторских диссертаций надо отдавать предпочтение не таланту ученых, а их лояльности советской власти.

Необходимо сказать, что я несколько раз случайно встречал Валерию Павлинчука в электричках, и он рассказывал мне о двух-трех самиздатовских прочитанных им рукописях, из чего у меня создалось впечатление о его колоссальной любознательности, основой которой являлось благородное стремление делать все необходимое для обретения возможных достижений во всех сферах бытия нашей страны, все чаще причисляемой тогда к странам среднего развития. И это свое впечатление я высказал Алексею Васильевичу Аксенову, я, находившийся в странном положении: произведение мое, «Юность в Железнодорожке», расклепали на виду у всех республик Советского Союза, но меня не трогают, не исключают.

Похвала главного редактора «Нового мира» дорогого стоила

Я понимал, конечно, что защищаем нашумевшей известностью и, в особенности, Александром Твардовским – его побаивались члены Политбюро и тот же М.А.Суслов. Тяжба между Твардовским, цензурой и отделом культуры ЦК КПСС за мою повесть (роман) длилась не меньше полугода, и Твардовский победил, поддержанный большинством секретариата СП СССР во главе с его руководителем Георгием Макаевым Марковым, кто являлся членом ЦК и депутатом Верховного Совета СССР.

Неуклонное правило Твардовского

Инстанциям, разумеется, было известно, что Александр Трифонович специально вызывал меня в Москву, дабы произнести на редколлегии высокопохвальную речь об «Юности в Железнодорожке». У Твардовского за годы его редакторства сложилось правило, явно романтическое и неуклонное: говорить одному в честь самых значительных, с его точки зрения, произведений. Этой чести удостоились только отдельные авторы: Александр Яшин, Василий Белов, Борис Можаяев, Гавриил Тропольский, Василий Шукшин, Виталий Семин... Об этом меня известил, подкрепляя телеграмму Александра Трифонова, его первый заместитель по «Новому миру» Алексей Иванович Кондратович. Не всех, кого он назвал, я, к сожалению, запомнил.

«Изображая» меня и обстоятельства тех лет, Ткаченко постоянно преднамеренно допускает блеф за блефом. Слыхом я не слышал, чтобы его, беспартийного, вызывали в горком да еще и беседовали в присутствии куратора из ГБ. Ничего подобного за шесть лет моего секретарства в Калужском писательском отделении не было. И навряд ли было после идеологической смуты вокруг «Тарусских страниц». Однако, если такое отклонение произошло, Ткаченко мог скрыть это; по всегдашней приспособленческой хитрине, в худшем случае – для самосохранения.

Другой блеф. Да не был я для «Нового мира» неким. Там печатался мой рассказ «Спасители». Там был хвалим Твардовским мой рассказ «Гудки паровоза», противопоставленный им целому ряду романов, принадлежащих писателям из обоймы урбанистов. Там была остановлена цензурой моя повесть «Гибель такси» (1964-й г.), переименованная Твардовским в «Происшествие» и напечатанная через четверть века издательством «Московский рабочий»; редактор Яков Маркович, директор – Дмитрий Евдокимов. Я уж не говорю о том, что Ткаченко сам себя побиваю, сказав, что я утвердился в середине 50-х годов «рабочими» рассказами, а «Юность в Железнодорожке» напечатана через пятнадцать лет от начала моей литературной работы, о которой не без восхищения отзывались не только писатели одной со мной генерации: Борис Бедный, Сергей Никитин, Лев Кривенко, Юрий Трифонов, Василий Федоров, Феликс Кузнецов, Виктор Астафьев, Борис Можаяев, Александр Рекемчук, Анатолий Соболев, Анатолий Жигулин, – но и большие прозаики, критики: Константин Паустовский, Александр Яшин, Валентин Катаев, Вениамин Каверин, Александр Бек, Эммануил Козакевич, Вера Кетлинская, Алексей Кожевников, Павел Нилин, Юрий Олеша, Валентин Сорокин, Александр Дементьев, Алексей Кондратович, Владимир Лакшин, Инна Борисова, Ирина Шевелева...

Правдолюб Сеницын

Блеф Ткаченко о звонке мне с требованием характеристики Михаилу Лохвицкому разверзся другим блефом: дескать, Воронов побегал в обком доносить Аксенову, и тот, мол, грозно запретил выдавать характеристику. Честность обязывает меня заявить, что разбойно-заушательские выпады против «Юности в Железнодорожке» и «Нового мира» не вызывали шевеления в обкоме: меня туда не вызывали, и сам я туда не ходил. Продолжалась обычная жизнь Калужского отделения писателей. В июне я взял отпуск и уехал с женой и детьми в Чернишино, приглашенный очеркистом Иваном Сеницыным, его супругой, их детьми. Семейство Сеницыных время от времени наезжало к нам.

А теперь я хочу сунуть в бесстыжее мурло Ткаченко истории, которые начисто отметут его измышления о том, будто бы я побегал к Аксенову и донес. Иван Сеницын до переезда в Чернишино редакторствовал в комсомольской газете Калужской области. Случилось так, что он развелся с женой и взял в жены молоденькую красавицу-учительницу Зиночку, Зинаиду Ивановну. То ли Иван сам выпросился на жительство в Чернишино, то ли обком направил его туда собственным корреспондентом партийной газеты «Знамя», Сеницын стал выступать в «Знаменке» с острыми и деловыми корреспонденциями, а также очерками. Родились две дочки и сын. Для Зиночки, Зинаиды Ивановны, и детей он собственноручно построил поместительный и приглядный дом. Проблемные материалы Сеницына, нацеленные на преобразование и улучшение судьбы деревень, не находили предполагаемого отклика в обкоме: первый секретарь Кандренков был завзятым сельскохозяйственником непререкаемого уровня.

Иван терпел-мирился с безотзывностью и накалал в Центральном комитете любимой коммунистической партии письмо с конкретными обвинениями секретариату, которое заключил наивным выводом: Калужский обком не ленинский. Из Центрального комитета прислали комиссию. По ее завершению председатель сказал Ивану Семеновичу, что факты подтвердились, но что он, Сеницын, – сволочь. Какое-то время Сеницына держали в газете, поднакопили неудовольствия его корреспондентской линией и уволили. На другую работу в Чернишине Ивана или не брали, или он сам не стремился получить ее.

Возникло обстоятельство, опасное для него и семейства. Зинаида Ивановна, хотя и продвинулась по службе и стала завучем в школе, однако содержать мужа, дочек, Евгению и Марину, сына Сережу было сложно. В те годы, вторая половина 60-х, начали применять статью, карающую за тунеядство. Присуждали ссылку, исправительно-трудовые лагеря. Дамоклов меч этой статьи завис над правдолюбом из фронтовиков Иваном Сеницыным.

У него уже имелась книга очерков, и он обнадежился вероятностью избавиться от реальной угрозы, при всей своей наивности, вступлением в Союз писателей. Быть свободным художником позволяли писательские «корочки», облеченные в правительственную, по остроте кого-то из сатириков, кожу. Сеницын приехал в Калугу, вызвал меня из канторы. Мы побрели к Оке. Иван открылся мне, в сколь грозной ситуации он находится. Я посожалел о наиве, в какой он, многоопытный муж, угораздил сам себя. Но заявление и три экземпляра книги очерков взял.

Продолжение следует

> Честность – способность платить по счетам совести. Илья ШЕВЕЛЕВ